

цузский язык,⁵ свою задачу Гюго видел отнюдь не только в подготовке читательского восприятия. «William Shakespeare» явился итогом его долгих, восходящих еще к эпохе «романтических битв» раздумий над творчеством гениального драматурга и его жизнью в веках, но также и над судьбами искусства и человеческой цивилизации вообще.⁶ «По-настоящему, — писал Гюго в предисловии, — очерк этот следовало бы назвать „По поводу Шекспира“. Стремление, как говорят в Англии, представить публике новый перевод Шекспира было для автора лишь первой побудительной причиной. Глубокая заинтересованность в успехе переводчика не должна была лишить его права рекомендовать перевод. С другой стороны, в еще большей степени мысль его волновал самый предмет. В связи с Шекспиром перед ним встали все вопросы, касающиеся искусства. Обсуждать их — это значит разъяснять задачи искусства, обсуждать их — это значит разъяснять обязанности человеческой мысли по отношению к человеку. Возникает столь очевидная возможность высказать целый ряд истин, что недопустимо, особенно в такое время, как наше, ею пренебречь. Автор понял это. Он без колебаний приступил к рассмотрению сложных вопросов искусства и цивилизации в их различных проявлениях, расширяя горизонт каждый раз, когда смещалась перспектива, и принимая все то, что от него настоятельно требовал объект».⁷

Среди этих «настоятельных требований объекта» был и вопрос о характере современных исторических штудий. Посвященный ему раздел назывался: «Подлинная история — каждый водворен на свое место» (*L'histoire réelle — chacun remis à sa place*).

С тех пор как существует человечество, полагает Гюго, на переднем плане истории всегда были «люди силы» — короли, императоры, князья, вожди, военачальники; им неизменно сопутствовала слава, мир рукоплескал их блистательным победам, но сияние, которое они излучали, не освещало небо, а воспламеняло, словно они хотели овладеть бесконечностью. Однако времена переменились. Человеческий род пресытился страданиями и не желает более существовать по этому скорбному пути. Эпоха «людей силы» миновала. Война, деспотизм, теократия, рабство — всему этому наступает конец. На авансцену истории выходит народ и подлинно великие люди — «династия гениев», призванная вести его вперед.

⁵ Об этом см.: F.-V. Guille. *François-Victor Hugo et son oeuvre*. Paris, 1950, pp. 171—199.

⁶ См.: F. Gregh. *L'oeuvre de Victor Hugo*. Paris, 1933, pp. 388—391; P. Souchon. *Victor Hugo, l'homme et l'oeuvre*. Paris, 1949, pp. 218—220,

⁷ [V. Hugo]. *William Shakespeare*. Paris, 1864, pp. 3—4.